

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой

Царь и сокол
(Басня)

Один царь на охоте пустил за зайцем любимого сокола и поскакал.

Сокол поймал зайца. Царь отнял зайца и стал искать воды, где бы напиться. В бугре царь нашел воду. Только она по капле капала. Вот царь достал чашу с седла и подставил под воду. Вода текла по капле, и когда чаша набралась полная, царь поднял ее ко рту и хотел пить. Вдруг сокол встрепенулся на руке у царя, забил крыльями и выплеснул воду. Царь опять подставил чашу. Он долго ждал, пока она наберется вровень с краями, и опять, когда он стал подносить ее ко рту, сокол затрепыхался и разлил воду.

Когда в третий раз царь набрал полную чашу и стал подносить ее к губам, сокол опять разлил ее. Царь рассердился и, со всего размаха ударив сокола об камень, убил его. Тут подъехали царские слуги, и один из них побежал вверх к роднику, чтобы найти побольше воды и скорее набрать полную чашу. Только и слуга не принес воды; он вернулся с пустой чашкой и сказал: «Ту воду нельзя пить: в роднике змея, и она выпустила свой яд в воду. Хорошо, что сокол разлил воду. Если бы ты выпил этой воды, ты бы умер».

Царь сказал: «Дурно же я отплатил соколу: он спас мне жизнь, а я убил его».

Лисица
(Басня)

Попалась лиса в капкан, оторвала хвост и ушла. И стала она придумывать, как бы ей свой стыд прикрыть. Созвала она лисиц и стала их уговаривать, чтобы отрубили хвосты. «Хвост, – говорит, – совсем не к стати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаем». Одна лисица и говорит: «Ох, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая!»

Куцая лисица смолчала и ушла.

Строгое наказание
(Сказка)

Один человек пошел на торг и купил говядины. На торгу его обманули: дали дурной говядины, да еще обвесили.

Вот он идет домой с говядиной и бранится. Встречается ему царь и спрашивает: «Кого ты бранишь?» А он говорит: «Я браню того, кто меня обманул. Я заплатил за три фунта, а мне дали только два, и то дурную говядину». Царь и говорит: «Пойдем назад на торг, покажи того, кто тебя обманул». Человек пошел назад и показал купца. Царь свесил при себе мясо: видит, точно, обманули. Царь и говорит: «Ну, как ты хочешь, чтобы я наказал купца?» Тот говорит: «Вели вырезать из его спины столько мяса, на сколько он обманул меня».

Царь и говорит: «Хорошо, возьми нож и вырежь из купца фунт мяса; только смотри, чтобы у тебя вес был бы верен, а если вырежешь больше или меньше фунта, ты виноват останешься».

Человек смолчал и ушел домой.

Дикий и ручной осел
(Басня)

Дикий осел увидал ручного осла, подошел к нему и стал хвалить его жизнь: как и телом – то он гладок и какой ему корм сладкий. Потом, как навьючили ручного осла, да как сзади стал погонщик подгонять его дубиной, дикий осел и говорит: «Нет, брат, теперь не завидую, – вижу, что твое житье тебе соком достается».

Заяц и гончая собака
(Басня)

Заяц сказал раз гончей собаке: «Для чего ты лаешь, когда гонишься за нами? Ты бы скорее поймала нас, если бы бежала молча. А с лаем ты только нагоняешь нас на охотника: ему слышно, где мы бежим, и он забегает с ружьем нам навстречу,

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru убивает нас и ничего не дает тебе».

Собака сказала: «Я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запах, то и сержусь, и радуюсь, что я вот сейчас поймаю тебя; и сама не знаю зачем, но не могу удержаться от лая».

Олень
(Басня)

Олень подошел к речке напиться, увидел себя в воде и стал радоваться на свои рога, что они велики и развилысты, а на ноги посмотрел и говорит: «Только ноги мои плохи и жидки». Вдруг выскочил лев и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Он уходил, а как пришел в лес, запутался рогами за сучья, и лев схватил его. Как пришло погигать оленю, он и говорит: «То-то глупый я! Про кого думал, что плохи и жидки, то спасали, а на кого радовался, от тех пропал».

Зайцы
(Описание)

Зайцы по ночам кормятся. Зимой зайцы лесные кормятся корою деревьев, зайцы полевые – озимями и травой, гуменники – хлебными зернами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники – и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но бог дал зайцу трусость, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу, и начинает от страха метаться из стороны в сторону. Проскачет вперед, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Еще услышит что-нибудь – и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь – опять заяц повернется назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далеким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Собака и волк
(Басня)

Собака заснула за двором. Голодный волк набежал и хотел съесть ее. Собака и говорит: «Волк! подожди меня есть, – теперь я костлява, худа. А вот, дай срок, хозяева будут свадьбу играть, тогда мне еды будет вволю, я разжирею, – лучше тогда меня съесть». Волк поверил и ушел. Вот приходит он в другой раз и видит – собака лежит на крыше. Волк и говорит: «Что ж, была свадьба?» А собака и говорит: «Вот что, волк: коли другой раз застанешь меня сонную перед двором, не дожидайся больше свадьбы».

Царские братья
(Сказка)

Один царь шел по улице. Нищий подошел к нему и стал просить милостыню.

Царь не дал ничего. Нищий сказал: «Царь, ты, видно, забыл, что бог всем один отец; мы все братья, и нам всем делиться надо». Тогда царь остановился и сказал: «Ты правду говоришь, мы братья и нам делиться надо», – и дал нищему золотую денюгу. Нищий взял золотую денюгу и сказал: «Ты мало дал; разве так делятся с братьями? Надо делить поровну. У тебя миллион денег, а ты мне дал одну». Тогда царь сказал: «То правда, что у меня миллион денег, а я тебе дал одну; но у меня и братьев столько же, сколько денег».

Слепой и молоко
(Басня)

Один слепой отроду спросил зрячего: «Какого цвета молоко?»

Зрячий сказал: «Цвет молока такой, как бумага белая».

Слепой спросил: «А что, этот цвет так же шуршит под руками, как бумага?»

Зрячий сказал: «Нет, он белый, как мука белая».

Слепой спросил: «А что, он такой же мягкий и сыпучий, как мука?»

Зрячий сказал: «Нет, он просто белый, как заяц-беляк».

Слепой спросил: «Что же, он пушистый и мягкий, как заяц?»

Зрячий сказал: «Нет, белый цвет такой точно, как снег».

Слепой спросил: «Что же, он холодный, как снег?»

И сколько примеров зрячий ни говорил, слепой не мог понять, какой бывает белый цвет молока.

Русак (Описание)

Заяц-русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз-другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звезды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы прийти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади, скрипели кресла в санях.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Из ртов и носов их шел пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, пыряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошел к гумну. Собачонка от обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям; зайца держали субои, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошел к гумну. По дороге он, на зеленях, встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошел дальше. На деревне было все тихо, огни были потушены. Только слышался плач ребенка в избе через стены да треск мороза в бревнах изб. Заяц прошел на гумно и там нашел товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесенной снегом, на овин и через плетень пошел назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звезд стало меньше, и еще гуще морозный пар подымался над землею. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумен, дети кричали и плакали. По дороге еще больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошел к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лег задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

Волк и лук (Басня)

Охотник с луком и стрелами пошел на охоту, убил козу, взвалил на плечи и понес ее. По дороге увидел он кабана. Охотник сбросил козу, выстрелил в кабана и ранил его. Кабан бросился на охотника, спорол его до смерти, да и сам тут же издох. Волк почуял кровь и пришел к тому месту, где лежали коза, кабан, человек и его лук. Волк обрадовался и подумал: «Теперь я буду долго сыт; только я не стану есть всего вдруг, а буду есть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съем что пожестче, а потом закушу тем, что помягче и послаще».

Волк понюхал козу, кабана и человека и сказал: «Это кушанье мягкое, я съем это после, а прежде дай съем эти жилы на луке». И он стал грызть жилы на луке. Когда он перекусил тетиву, лук раскочился и ударил волка по брюху. Волк тут же издох, а другие волки съели и человека, и козу, и кабана, и волка.

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Как мужик гусей делил
(Сказка)

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понес. Барин принял гуся и говорит мужику: «Спасибо, мужик, тебе за гуся, только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына и две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?» Мужик говорит: «Я разделю». Взял ножик, отрезал голову и говорит барину: «Ты всему дому голова, тебе голову». Потом отрезал задок, подает барыне: «Тебе, говорит, дома сидеть, за домом смотреть, тебе задок». Потом отрезал лапки и подает сыновьям:

«Вам, говорит, ножки – топтать отцовские дорожки». А дочерям дал крылья: «Вы, говорит, скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!» – и взял себе всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся награждал бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понес к барину.

Барин говорит: «Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочери, всех шестеро, – как бы нам поровну разделить твоих гусей?»

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить. Бедный мужик взял одного гуся – дал барину с барыней и говорит: «Вот вас трое с гусем»; одного дал сыновьям: «И вас, говорит, трое»; одного дал дочерям: «И вас трое»; а себе взял двух гусей: «Вот, говорит, и нас трое с гусями, – все поровну».

Барин посмеялся и дал бедному мужику еще денег и хлеба, а богатого прогнал.

Комар и лев
(Басня)

Комар прилетел ко льву и говорит: «Ты думаешь, в тебе силы больше моего? как бы не так! Какая в тебе сила? Что царапаешь когтями и грызешь зубами, это и бабы так-то с мужиками дерутся. Я сильнее тебя; хочешь, выходи на войну!» И комар затрубил и стал кусать льва в голые щеки и в нос. Лев стал бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодрал себе в кровь все лицо и из сил выбился.

Комар затрубил с радости и улетел. Потом запутался в паутину к пауку, и стал паук его сосать. Комар и говорит: «Сильного зверя, льва, одолел, а вот от дрянного паука погибаю».

Яблони
(Рассказ)

Я посадил двести молодых яблонь и три года весной и осенью окапывал их, и на зиму заворачивал соломой от зайцев. На четвертый год, когда сошел снег, я пошел смотреть свои яблони. Они потолстели в зиму; кора ва них была глянцевиная и налитая; сучки все были целы, и на всех кончиках и на развилинках сидели круглые, как горошинки, цветочные почки. Кое-где уже лопнули распуковки и виднелись алые края цветочных листьев. Я знал, что все распуковки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернул первую яблоню, я увидал, что внизу, над самой землей, кора яблони обгрызена кругом по самую древесину, как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню – и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолой и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики – и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где расходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки, и то все дикие.

Кора у деревьев – те же жилы у человека: чрез жилы кровь ходит по человеку – и чрез кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет. Можно из дерева выдолбить все нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива – и дерево будет жить; но если кора пропадет, дерево пропало. Если

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
человеку подрезать жилы, он умрет, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и береза засыхает, когда ребята продолжают лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали оттого, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из кореньев в сучья, листья и цвет.

Лошадь и хозяева
(Басня)

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить бога, чтобы ей перейти к другому хозяину. Так и сделалось. Садовник продал лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежнего стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей к лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечник продал лошадь кожевнику. Вот как увидела лошадь на кожевном дворе конинные шкуры, она и завывала: «Ох, горе мне, бедной! Лучше б у прежних хозяев оставаться: теперь уж, видно, не на работу продали меня, а на шкуру».

Клопы
(рассказ)

Я остановился ночевать на постоялом дворе. Прежде чем ложиться спать, я взял свечу и посмотрел углы кровати и стен, и когда увидел, что во всех углах были клопы, стал придумывать, как бы устроиться на ночь так, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я знал, что, поставь я ее и посередине комнаты, клопы сползут со стен на пол и с полу, по ножкам кровати, доберутся и до меня; а потому я попросил у хозяина четыре деревянные чашки, налил в чашки воды и каждую ножку кровати поставил в чашку с водой. Я лег, поставил свечу на пол и стал смотреть, что будут делать клопы. Клопов было много, и они уже чуяли меня; я видел, как они поползли по полу, влезали на край чашки, и одни падали в воду, другие ворочались назад. «Перехитрил я вас, – подумал я, – теперь не доберетесь», и хотел уже тушить свечу, как вдруг почувствовал, что меня кусает что-то. Осматриваюсь: клоп. Как он попал ко мне? Не прошло минуты, я нашел другого. Я стал оглядываться и допытываться, как до меня они добрались.

Долго я не мог понять, но, наконец, взглянул на потолок и увидел – клоп лез по потолку; как только он дополз вровень с кроватью, он отцепился от потолка и упал на меня. «Нет, – подумал я, – вас не перехитришь», надел шубу и вышел на двор.

Старик и смерть
(Басня)

Старик раз нарубил дров и понес. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит: «Эх, хоть бы смерть пришла!» Смерть пришла и говорит: «Вот и я, чего тебе надо?» Старик испугался и говорит: «Мне вязанку поднять».

Как гуси Рим спасли
(История)

В 390-м году до р. Х. дикие народы галлы напали на римлян. Римляне не могли с ними справиться, и которые убежали совсем вон из города, а которые заперлись в кремле. Кремль этот назывался Капитолий. Остались только в городе одни сенаторы. Галлы вошли в город, перебили всех сенаторов и сожгли Рим. В середине Рима оставался только кремль – Капитолий, куда не могли добраться галлы. Галлам хотелось разграбить Капитолий, потому что они знали, что там много богатств. Но Капитолий стоял на крутой горе: с одной стороны были стены и ворота, а с другой был крутой обрыв. Ночью галлы украдкой полезли из-под обрыва на Капитолий: они поддерживали друг друга снизу и передавали друг другу копьё и мечи.

Так они потихоньку взобрались на обрыв, ни одна собака не услышала их.

Они уже полезли через стену, как вдруг гуси почуяли народ, загоготали и захлопали крыльями. Один римлянин проснулся, бросился к стене и сбил под обрыв одного галла. Галл упал и свалил за собою других. Тогда сбежались римляне и стали кидать бревна и камни под обрыв и перебили много галлов. Потом пришла помощь к Риму, и галлов прогнали.

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
С тех пор римляне в память этого дня завели у себя праздник. Жрецы идут наряженные по городу; один из них несет гуся, а за ним на веревке тащат собаку. И народ подходит к гусю и кланяется ему и жрецу: для гусей дают дары, а собаку бьют палками до тех пор, пока она не издохнет.

Отчего в морозы трещат деревья?
(Рассуждение)

Оттого, что в деревьях есть сырость, и сырость эта замерзает, как вода. Когда вода замерзнет, она раздается; а когда ей нет места раздаться, она разрывает деревья.

Если налить воды в бутылку и поставить на мороз, вода замерзнет и разорвет бутылку.

Когда из воды делается лед, то во льду этом такая сила, что если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдом разорвет ее.

Отчего вода не сжимается, как железо, от холода, а раздается, когда замерзнет? Оттого, что, когда вода замерзнет, ее частицы связываются между собою по-другому и промеж них больше пустых мест,

Для чего вода не сжимается, когда замерзнет? Для того, чтобы вода в реках и озерах не замерзла до дна.

Лед раздается от мороза, оттого делается легче воды и плавает на воде, и только снизу подмерзает и делается толще и толще, но никогда не замерзает до дна. А если бы вода сжималась от мороза, как сжимается железо, то верхняя вода замерзла бы на реке и тонула бы, потому что лед был бы тяжелее воды. Потом опять бы замерзла верхняя вода и тонула бы, и так замерзли бы озера и реки от дна и до верху.

Сырость
(Рассуждение)

I

Отчего паук иногда делает частую паутину и сидит в самой середине гнезда, а иногда выходит из гнезда и выводит новую паутину?

Паук делает паутину по погоде, какая есть и какая будет. Глядя на паутину, можно узнать, какая будет погода; если паук сидит, забившись в середине паутины, и не выходит, – это к дождю. Если он выходит из гнезда и делает новые паутины, то это к погоде.

Как может паук знать вперед, какая будет погода?

Чувства у паука так тонки, что когда в воздухе начнет только собираться сырость, и мы этой сырости не слышим, и для нас погода еще ясная, – для паука уже идет дождь.

Точно так же, как и человек раздетый сейчас почувствует сырость, а одетый не заметит ее, так и для паука идет дождь, когда для нас он только собирается.

II

Отчего осенью и зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимою дерево насытится водой, как губка, и его разопрет, а летом вода выйдет паром, и оно съжится.

Отчего слабое дерево – осина – больше разбухает, а дуб меньше?

Оттого, что в крепком дереве – дубе – пустого места меньше и воде некуда набраться, а в слабом дереве – осине – пустого места больше и воде есть куда набраться. В гнилом дереве еще больше пустого места, и оттого гнилое дерево больше всего разбухает и больше садится.

Колоды для пчел делают из самого слабого и гнилого дерева: самые лучшие ульи бывают из гнилой лозины. Отчего это? – Оттого, что через гнилую колоду проходит воздух, и для пчел в такой колоде воздух легче.

Отчего сырые доски коробятся?

Оттого, что неровно сохнут. Если приставить сырую доску одной стороной к печке, вода выйдет, и дерево сожмется с этой стороны и потянет за собой другую сторону; а сырой стороне сжаться нельзя, потому что в ней вода, – и вся доска погнется.

Для того, чтобы не коробились полы, их режут из сухих досок на куски, и куски эти вываривают в кипятке. Когда из них вода вся выкипит, их клеят, и они уже не коробятся (паркет).

Разная связь частиц
(Рассуждение)

Отчего подушки под телеги вырезают и ступицы под колеса точат не из дуба, а из березы? Подушки и ступицы нужны крепкие, а дуб не дороже березы. – Оттого, что дуб колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Оттого, что дуб хоть и плотнее связан, чем береза, да связан так, что расходится вдоль, а береза не расходится.

Отчего колеса и полозья гнут из дуба и вяза, а не гнут из березы и липы?

Оттого, что дуб и вяз, когда их распяют в бане, гнутся и не ломаются, а береза и липа на все стороны мочалются.

Все оттого же, что частицы дерева в дубе и березе иначе связаны.

Лев и лисица
(Басня)

Лев от старости не мог уже ловить зверей и задумал хитростью жить: зашел он в пещеру, лег и притворился больным. Стали ходить звери его проведывать, и он съедал тех, которые входили к нему в пещеру. Лисица смекнула дело, стала у входа в пещеру и говорит: «Что, лев, как можешь?»

Лев говорит: «Плохо. Да ты отчего же не входишь?» А лисица говорит: «Оттого не вхожу, что по следам вижу – входов много, а выходов нет».

Праведный судья
(Сказка)

Один алжирский царь Бауакас захотел сам узнать, правду ли ему говорили, что в одном из его городов есть праведный судья, что он сразу узнаёт правду и что от него ни один плут не может укрыться. Бауакас переоделся в купца и поехал верхом на лошади в тот город, где жил судья. У въезда в город к Бауакасу подошел калека и стал просить милостыню. Бауакас подал ему и хотел ехать дальше, но калека уцепился ему за платье. «Что тебе нужно? – спросил Бауакас. – Разве я не дал тебе милостыню?» – «Милостыню ты дал, – сказал калека, – но еще сделай милость – довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды как бы не раздавили меня». Бауакас посадил калеку сзади себя и довез его до площади. На площади Бауакас остановил лошадь. Но нищий не слезал. Бауакас сказал: «Что ж сидишь, слезай, мы приехали». А нищий сказал: «Зачем слезать, – лошадь моя; а не хочешь добром отдать лошадь, пойдем к судье». Народ собрался вокруг них и слушал, как они спорили; все закричали: «Ступайте к судье, он вас рассудит».

Бауакас с калекой пошли к судье. В суде был народ, и судья вызывал по очереди тех, кого судил. Прежде чем черед дошел до Бауакаса, судья вызвал ученого и мужика: они судились за жену. Мужик говорил, что это его жена, а ученый говорил, что его жена. Судья выслушал их, помолчал и сказал: «Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра».

Когда эти ушли, вошли мясник и масленник. Мясник был весь в крови, а масленник в масле. Мясник держал в руке деньги, масленник – руку мясника. Мясник сказал: «Я купил у этого человека масло и вынул кошелек, чтобы расплатиться, а он схватил меня за руку и хотел отнять деньги. Так мы и пришли к тебе, – я держу в руке кошелек, а он держит меня за руку. Но деньги мои, а он – вор».

А масленник сказал: «Это неправда. Мясник пришел ко мне покупать масло. Когда я налил ему полный кувшин, он просил меня разменять ему золотой. Я достал деньги и положил их на лавку, а он взял их и хотел бежать. Я поймал его за руку и привел

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru сюда».

Судья помолчал и сказал: «Оставьте деньги здесь и приходите завтра».

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калеки, Бауакас рассказал, как было дело. Судья выслушал его и спросил нищего. Нищий сказал: «Это все неправда. Я ехал верхом через город, а он сидел на земле и просил меня подвезти его. Я посадил его на лошадь и довез, куда ему нужно было; но он не хотел слезать и сказал, что лошадь его. Это неправда».

Судья подумал и сказал: «Оставьте лошадь у меня и приходите завтра»,

На другой день собралось много народа слушать, как рассудит судья.

Первые подошли ученый и мужик.

– Возьми свою жену, – сказал судья ученому, – а мужику дать пятьдесят палок. – Ученый взял свою жену, а мужика тут же наказали.

Потом судья вызвал мясника.

– Деньги твои, – сказал он мяснику; потом он указал на масленника и сказал ему: – А ему дать пятьдесят палок.

Тогда позвали Бауакаса и калеку. «Узнаешь ты свою лошадь из двадцати других?» – спросил судья Бауакаса.

– Узнаю.

– А ты?

– И я узнаю, – сказал калека.

– Иди за мною, – сказал судья Бауакасу.

Они пошли в конюшню. Бауакас сейчас же промеж других двадцати лошадей показал на свою. Потом судья вызвал калеку в конюшню и тоже велел ему указать на лошадь. Калека признал лошадь и показал ее. Тогда судья сел на свое место и сказал Бауакасу:

– Лошадь твоя: возьми ее. А калеке дать пятьдесят палок.

После суда судья пошел домой, а Бауакас пошел за ним.

– Что же ты, или не доволен моим решением? – спросил судья.

– Нет, я доволен, – сказал Бауакас. – Только хотелось бы мне знать, почему ты узнал, что жена была ученого, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы и что лошадь была моя, а не нищего?

– Про женщину я узнал вот как: позвал ее утром к себе и сказал ей: налей чернил в мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла ее скоро и ловко и налила чернил. Стало быть, она привыкла это делать. Будь она жена мужика, она не сумела бы этого сделать. Выходит, что ученый был прав. – Про деньги я узнал вот как: положил я деньги в чашку с водой и сегодня утром посмотрел – всплыло ли на воде масло. Если бы деньги были масленниковы, то они были бы запачканы его масленными руками. На воде масла не было, стало быть, мясник говорит правду.

– Про лошадь узнать было труднее. Калека так же, как и ты, из двадцати лошадей сейчас же указал на лошадь. Да я не для того приводил вас обоих в конюшню, чтобы видеть, узнаете ли вы лошадь, а для того, чтобы видеть – кого из вас двоих узнает лошадь. Когда ты подошел к ней, она обернула голову, потянулась к тебе; а когда калека тронул ее, она прижала уши и подняла ногу. По этому я узнал, что ты настоящий хозяин лошади.

Тогда Бауакас сказал:

– Я не купец, а царь Бауакас. Я приехал сюда, чтобы видеть, правда ли то, что

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru говорят про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня, чего хочешь, я награжу тебя.

Судья сказал: «Мне не нужно награды; я счастлив уже тем, что царь мой похвалил меня».

Олень и виноградник
(Басня)

Олень спрятался от охотников в виноградник. Когда охотники проминовали его, олень стал объедать виноградные листья.

Охотники заметили, что листья шевелятся, и думают: «Не зверь ли тут под листьями?» – выстрелили и ранили оленя.

Олень и говорит, умираючи: «Поделом мне за то, что я хотел съесть листья, те самые, какие спасли меня».

Царский сын и его товарищи
(Сказка)

У царя было два сына. Царь любил старшего и отдал ему все царство. Мать жалела меньшего сына и спорила с царем. Царь на нее за то сердился, и каждый день была у них из-за этого ссора. Меньший царевич и подумал: «Лучше мне уйти куда-нибудь», – простился с отцом и матерью, оделся в простое платье и пошел странствовать.

На пути сошелся он с купцом. Купец рассказал царевичу, что был он прежде богат, но что все его товары потонули в море и что он идет теперь в чужие края поискать счастья.

Они пошли вместе. На третий день сошелся с ними еще товарищ. Они разговорились, и новый товарищ рассказал, что он мужик; были у него дом и земля, но что была война, поля его стоптали и двор его сожгли, – не при чем ему стало жить, – и что идет он теперь искать работы на чужую сторону.

Они пошли все вместе. Подошли они к большому городу и сели отдохнуть. Вот мужик и говорит: «Ну, братцы, будет нам гулять, теперь мы пришли к городу, надо нам за работу приниматься, кто какую умеет».

Купец говорит: «Я умею торговать. Если б у меня было хоть немного денег, я бы много наторговал».

А царевич говорит: «А я не умею ни работать, ни торговать, я только умею царствовать. Если б было у меня царство, я бы хорошо царствовал».

А мужик говорит: «А мне ни денег, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали, – я проживу и вас еще прокормлю. А то вы, пока кто денег, а кто царства дожидаетесь, с голоду помрете».

А царевич говорит: «Купцу деньги нужны, мне царство нужно, тебе сила нужна, чтоб работать: а и деньги, и царство, и сила – нам от бога. Захочет бог – и мне царство даст, и тебе силу, а не захочет – ни тебе силы, ни мне царства не даст».

Мужик не стал слушать, а пошел в город. В городе он нанялся таскать дрова. Вечеру ему заплатили деньги. Он их принес товарищам и говорит: «Вы покуда собираетесь царствовать, а я уж заработал».

На другой день купец выпросил денег у мужика и пошел в город.

На торгу купец узнал, что в городе мало масла и каждый день ждут нового привоза. Купец пошел на пристань и стал высматривать корабли. При нем пришел корабль с маслом. Купец прежде всех вошел на корабль, отыскал хозяина, купил все масло и дал задаток. Потом купец побегал в город, перепродал масло и за свои хлопоты заработал денег в 10 раз больше против мужика и принес товарищам.

Царевич и говорит: «Ну, теперь мой черед идти в город. Вам обоим посчастливилось, может, и мне то же будет. Для бога ничего не трудно, – что тебе, мужику, дать работу, что купцу барыши, что царевичу царство».

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Входит царевич в город, видит он – народ ходит по улицам и плачет. Царевич стал спрашивать, о чем плачут. Ему говорят: «Разве не знаешь, нынче в ночь наш царь умер, и другого царя нам такого не найти». – «Отчего же он умер?» – «Да, должно быть, злодеи наши отравили». Царевич рассмеялся и говорит: «Это не может быть».

Вдруг один человек присмотрелся к царевичу, заметил, что он говорит не чисто по-ихнему и одет не так, как все в городе, и крикнул: «Ребята! Этот человек подослан к нам от наших злодеев разузнавать про наш город. Может, он сам отравил царя. Видите, он и говорит не по-нашему, и смеется, когда мы все плачем. Хватайте его, ведите в тюрьму!»

Царевича схватили, отвели в тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третий день пришли за царевичем и повели его на суд. Народа собралось много слушать, как будут судить царевича.

На суде царевича спросили, кто он и зачем пришел в их город. Царевич сказал: «Я – царский сын. Мой отец отдал все царство старшему брату, а мать за меня заступалась, и из-за меня отец с матерью ссорились. Я этого не захотел, простился с отцом и матерью и ушел странствовать. По дороге встретил я двух товарищей: купца и мужика – и с ними подошел к вашему городу. Когда мы сидели и отдыхали за городом, мужик сказал, что надо теперь работать, кто что умеет; купец сказал, что он умеет торговать, но что у него денег нет; а я сказал, что я умею только царствовать, да у меня царства нет. Мужик сказал, что мы с голоду помрем, дожидаясь денег да царства, а что у него есть сила в руках и что он и себя и нас прокормит. И он пошел в город, заработал деньги и принес нам. Купец на эти деньги пошел и наторговал вдесятеро; а я пошел в город, и вот меня взяли и понапрасну посадили в тюрьму и два дня не давали есть и теперь хотят казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что плаю, что всё от бога, и захочет бог, так вы меня казните понапрасну, а захочет, так вы меня царем сделаете».

Когда он все это сказал, судья замолчал и не знал, что говорить. Вдруг один человек из народа закричал: «Нам бог послал этого царевича. Мы не найдем себе лучшего царя! Выбирайте его в цари!»

И все выбрали его царем.

Когда его выбрали царем, царевич послал за город привести к себе своих товарищей. Когда им сказали, что их требует царь, они испугались: думали, что они сделали какую-нибудь вину в городе. Но им нельзя было убежать, и их привели к царю. Они упали ему в ноги, но царь велел встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь рассказал им все, что с ним было, и сказал им: «Видите ли вы, что моя правда? Худое и доброе – все от бога. И богу не труднее дать царство царевичу, чем купцу – барыш, а мужику – работу».

Он наградил их и оставил жить в своем царстве.

Галчонок
(Басня)

Пустынный увидел раз в лесу сокола. Сокол принес в гнездо кусок мяса, разорвал мясо на маленькие куски и стал кормить галчонок.

Пустынный удивился, как так сокол кормит галчонок, и подумал: «Галчонок, и тот у бога не пропадет, и научил же бог этого сокола кормить чужого сироту. Видно, бог всех тварей кормит, а мы всё о себе думаем. Перестану я о себе заботиться, не буду себе припасать пищи. Бог всех тварей не оставляет, и меня не оставит».

Так и сделал: сел в лесу и не вставал с места, а только молился богу. Три дня и три ночи он пробыл без питья и еды. На третий день пустынный так ослабел, что уж не мог поднять руки. От слабости он заснул. И приснился ему старец. Старец будто подошел к нему и говорит: «Ты зачем себе пищи не припасаешь? Ты думаешь богу угодить, а ты грешешь. Бог так мир устроил, чтоб каждая тварь добывала себе нужное. Бог велел соколу кормить галчонок, потому что галчонок пропал бы без сокола; а ты можешь сам работать. Ты хочешь испытывать бога, а это грех. Проснись и работай по-прежнему».

Пустынный проснулся и стал жить по-прежнему.

Как я выучился ездить верхом

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
(Рассказ барина)

Когда жили в городе, мы каждый день учились, только по воскресеньям и по праздникам ходили гулять и играли с братьями. Один раз батюшка сказал: «Надо старшим детям учиться ездить верхом. Послать их в манеж». Я был меньше всех братьев и спросил: «А мне можно учиться?» Батюшка сказал: «Ты упадешь». Я стал просить его, чтоб меня тоже учили, и чуть не заплакал. Батюшка сказал: «Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадешь. Кто ни разу не упадет с лошади, не выучится верхом ездить».

Когда пришла середина, нас троих повезли в манеж. Мы вошли на большое крыльцо, а с большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А под крылечком была очень большая комната. В комнате вместо пола был песок. И по этой комнате ездили верхом господ и барыни и такие же мальчики, как мы. Это и был манеж. В манеже было не совсем светло и пахло лошадыми, и слышно было, как хлопают бичами, кричат на лошадей, и лошади стучат копытами о деревянные стены. Я сначала испугался и не мог ничего рассмотреть. Потом наш дядька позвал берейтора и сказал: «Вот этим мальчикам дайте лошадей, они будут учиться ездить верхом». Берейтор сказал: «Хорошо».

Потом он посмотрел на меня и сказал: «Этот мал очень». А дядька сказал: «Он обещает не плакать, когда упадет». Берейтор засмеялся и ушел.

Потом привели трех оседланных лошадей; мы сняли шинели и сошли по лестнице вниз в манеж, берейтор держал лошадь за корду [1], а братья ездили кругом него.

Сначала они ездили шагом, потом рысью. Потом привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвост у нее был обрезан. Ее звали Червончик. Берейтор засмеялся и сказал мне: «Ну, кавалер, садитесь». Я и радовался, и боялся, и старался так сделать, чтоб никто этого не заметил. Я долго старался попасть ногою в стремя, но никак не мог, потому что я был слишком мал. Тогда берейтор поднял меня на руки и посадил. Он сказал: «Не тяжел барин, – фунта два, больше не будет».

Он сначала держал меня за руку; но я видел, что братьев не держали, и просил, чтобы меня пустили. Он сказал: «А не боитесь?» Я очень боялся, но сказал, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончик все поджимал уши. Я думал, что он на меня сердится. Берейтор сказал: «Ну, смотрите ж, не падайте!» – и пустил меня. Сначала Червончик ходил шагом, и я держался прямо. Но седло было скользкое, и я боялся свернуться. Берейтор меня спросил: «Ну, что, утвердились?» Я ему сказал: «Утвердился». – «Ну, теперь рысцой!» – и берейтор защелкал языком.

Червончик побежал маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я все молчал и старался не свернуться на бок. Берейтор меня похвалил: «Ай да кавалер, хорошо!» Я был очень этому рад.

В это время к берейтору подошел его товарищ и стал с ним разговаривать, и берейтор перестал смотреть на меня.

Только вдруг я почувствовал, что я свернулся немножко на бок седла. Я хотел поправиться, но никак не мог. Я хотел закричать берейтору, чтоб он остановил, но думал, что будет стыдно, если я это сделаю, и молчал. Берейтор не смотрел на меня. Червончик все бежал рысью, и я еще больше сбился на бок. Я посмотрел на берейтора и думал, что он поможет мне; а он все разговаривал с своим товарищем и, не глядя на меня, приговаривал: «Молодец, кавалер!» Я уже совсем был на боку и очень испугался. Я думал, что я пропал. Но кричать мне стыдно было. Червончик тряхнул меня еще раз, я совсем соскользнул и упал на землю. Тогда Червончик остановился, берейтор оглянулся и увидел, что на Червончике меня нет. Он сказал: «Вот-те на! свалился кавалер мой», – и подошел ко мне. Когда я ему сказал, что не ушибся, он засмеялся и сказал: «Детское тело мягкое». А мне хотелось плакать. Я попросил, чтобы меня опять посадили, и меня посадили. И я уж больше не падал.

Так мы ездили в манеже два раза в неделю, и я скоро выучился ездить хорошо и ничего не боялся.

Топор и пила
(Басня)

Пошли два мужика в лес за деревом. У одного был топор, а у другого пила. Вот они выбрали дерево и стали спорить. Один говорит – надо дерево срубить, а другой говорит – надо спилить.

Третий мужик и говорит: «Я сейчас помирю вас: если топор востер, то лучше рубить, а если пила еще вострее, то лучше пилить». Он взял топор и стал рубить дерево. Но топор был так туп, что им нельзя было рубить.

Он взял пилу: пила была плохая и совсем не резала. Тогда он сказал: «Вы подождите спорить, – топор не рубит, а пила не режет. Вы прежде отточите топор да поправьте пилу, а потом уж спорьте». Но те мужики еще пуще рассердились друг на друга за то, что у одного был неточеный топор, а у другого пила тупая, и они стали драться.

Солдаткино житье (Рассказ мужика)

Мы жили бедно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила в старом чупруне и худенькой паневе, а голову завязывала какой-то ветошкой, и под горлом у ней висел мешочек. Бабушка любила и жалела меня больше матери. Отец мой был в солдатах. Говорили про него, что он много пил и за то его отдали в солдаты. Я как сквозь сон помню, он приходил к нам на побывку. Изба наша была тесная и подпертая в середине рогулиной, и я помню, как я лазил на эту подпорку, оборвался и разбил себе лоб об лавку. И до сих пор метина эта осталась у меня на лбу.

В избе были два маленькие окна, и одно всегда было заткнуто ветошкой. Двор наш был тесный и раскрытый. В середине стояло старое корыто. На дворе была только одна старая кособокая лошаденка; коровы у нас не было, были две плохонькие овчонки и один ягненок. Я всегда спал с этим ягненком. Ели мы хлеб с водою. Работать у нас было некому; мать моя всегда жаловалась от живота, а бабушка – от головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и то в свою долю, а не в семью, покупала себе наряды и собиралась замуж.

Помню я, мать стала больше, и потом родился у ней мальчик. Мамушку положили в сени. Бабушка заняла у соседа крупниц и послала дядю Нефеда за попом. А сестра пошла собирать народ на крестины.

Собрался народ, принесли три ковриги хлеба. Родня стала расставлять столы и покрывать скатертями. Потом принесли скамейки и ушат с водой. И все сели по местам. Когда приехал священник, кум с кумой стали впереди, а позади стала тетка Акулина с мальчиком. Стали молиться. Потом вынули мальчика, и священник взял его и опустил в воду. Я испугался и закричал: «Дай мальчика сюда!» Но бабушка рассердилась на меня и сказала: «Молчи, а то побую».

Священник окунул его три раза и отдал тетке Акулине. Тетка завернула его в митраль и отнесла к матери в сени.

Потом все сели за столы, бабушка наложила каши две чашки, налила постное масло и подала народу. Когда все наелись, вылезли из-за столов, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошел к матери и говорю:

«Ма, как его зовут?»

Мать говорит: «Так же, как тебя». Мальчик был худой; ножки, ручки у него были тоненькие, и он все кричал. Когда ни проснешься ночью, он все кричит, а мамушка все баюкает, припевае. Сама кряхтит, а все поет.

Один раз ночью я проснулся и слышу – мать плачет. Бабушка встала и говорит: «Что ты, Христос с тобой!» Мать говорит: «Мальчик помер». Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надела чистую рубашечку, подпоясала и положила под святые. Когда рассвело, бабушка вышла из избы и привела дядю Нефеда. Дядя принес две старенькие тесинки и стал делать гробик. Сделал маленькое домовище и положил мальчика туда. Потом мать села к гробику и тонким голосом стала причитать и завывала. Потом дядя Нефед взял гробик под мышку и понес хоронить.

Только у нас и было радости, как мы няньку отдавали замуж. Приехали к нам раз мужики и принесли с собой ковригу хлеба и вина. И стали подносить свое вино матери. Мать выпила. Дядя Иван отрезал ломоть хлеба и подал ей. Я стоял подле стола, и мне захотелось хлебушка. Я нагнул мать и сказал ей на ухо. Мать

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru засмеялась, а дядя Иван говорит: «Что он, хлебца?» – и отрезал мне большой ломоть. Я взял хлеб и ушел в чулан. А нянька сидела в чулане. Она стала меня спрашивать: «Что там мужики говорят?» Я сказал: «Вино пьют». Она засмеялась и говорит: «Это они меня сватают за Кондрашку».

Потом собрались играть свадьбу. Все встали рано. Бабушка топила печку, мать месила пироги, а тетка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась в новые коты, надела сарафан красный и платок хороший и ничего не делала. Потом, когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло к нам много народу, – полная изба.

Потом подъехали к нашему двору три пары с колоколами. И на задней паре сидел жених Кондрашка в новом кафтане и в высокой шапке. Жених слез с телеги и пошел в избу. Надели на няньку новую шубу и вывели ее к жениху. Посадили жениха с невестой за стол, и бабы стали их величать. Потом вылезли из-за стола, помолились богу и вышли на двор. Кондрашка посадил няньку в телегу, а сам сел в другую. Все посажались в телеги, перекрестились и поехали. Я вернулся в избу и сел к окну ждать, когда свадьба вернется. Мать дала мне кусочек хлебца; я поел, да тут и заснул. Потом меня разбудила мать, говорит: «Едут!» – дала мне скалку и велела сесть за стол. Кондрашка с нянькой вошли в избу и за ними много народа, больше прежнего. И на улице был народ, и все смотрели к нам в окна. Дядя Герасим был дружкой; он подошел ко мне и говорит: «Вылезай». Я испугался и хотел лезть, а бабушка говорит: «Ты покажи скалку и скажи: а это что?» Я так и сделал. Дядя Герасим положил денег в стакан и налил вина и подал мне. Я взял стакан и подал бабушке. Тогда мы вылезли, а они сели.

Потом стали подносить вино, студень, говядину; стали петь песни и плясать. Дяде Герасиму поднесли вина, он выпил немного и говорит: «Что-то вино горько». Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его целовать. Долго играли песни и плясали, а потом все ушли, и Кондрашка повел няньку к себе домой.

После этого мы стали еще беднее жить. Продали лошадь и последних овец, и хлеба у нас часто не было. Мать ходила занимать у родных. Вскоре и бабушка померла. Помню я, как матушка по ней выла и причитала: «Уже родимая моя матушка! На кого ты меня оставила, горькую, горемычную? На кого покинула свое дитяtko несчастное? Где я ума-разума возьму? Как мне век прожить?» И так она долго плакала и причитала.

Один раз пошел я с ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу – идет солдат с сумочкой за плечами. Он подошел к ребятам и говорит: «Вы из какой деревни, ребята?» Мы говорим: «Из Никольского». – «А что, живет у вас солдатка Матрена?» А я говорю: «Жива, она мне матушка». Солдат поглядел на меня и говорит: «А отца своего видал?» Я говорю: «Он в солдатах, не видал». Солдат и говорит: «Ну, пойдем, проводи меня к Матрене, я ей письмо от отца привез». Я говорю: «Какое письмо?» А он говорит: «Вот пойдем, увидишь». – «Ну, что ж, пойдем».

Солдат пошел со мной, да так скоро, что я бегом за ним не поспевал. Вот пришли мы в свой дом. Солдат помолился богу и говорит: «Здравствуйте!» Потом разделся, сел на конник и стал оглядывать избу и говорит: «Что ж, у вас семьи только-то?» Мать оробела и ничего не говорит, только смотрит на солдата. Он и говорит: «Где ж матушка?» – а сам заплакал. Тут мать подбежала к отцу и стала его целовать. И я тоже взлез к нему на колени и стал его обшаривать руками. А он перестал плакать и стал смеяться.

Потом пришел народ, и отец со всеми здоровался и рассказывал, что он теперь совсем по билету вышел.

Как пригнали скотину, пришла и нянька и поцеловалась с отцом. А отец и говорит: «Это чья же молодая бабочка?» А мать засмеялась и говорит: «Свою дочь не узнал». Отец позвал ее еще к себе и поцеловал и спрашивал, как она живет. Потом мать ушла варить яичницу, а няньку послала за вином. Нянька принесла штофчик, заткнутый бумажкой, и поставила на стол. Отец и говорит: «Это что?» А мать говорит: «Тебе вина». А он говорит: «Нет уж, пятый год не пью; а вот яичницу подавай!» Он помолился богу, сел за стол и стал есть. Потом он говорит: «Кабы я не бросил пить, я бы и унтер-офицером не был, и домой бы ничего не принес, а теперь слава богу». Он достал в сумке кошель с деньгами и отдал матери. Мать

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потом, когда все разошлись, отец лег спать на задней лавке и меня положил с собой, а мать легла у нас в ногах. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потом я уснул.

Поутру мать говорит; «Ох, дров-то нет у меня!» А отец говорит: «Топор есть?» – «Есть, да щербатый, плохой». Отец обулся, взял топор и вышел на двор. Я побежал за ним.

Отец сдернул с крыши жердь, положил на колоду, взмахнул топором, живо перерубил и принес в избу и говорит: «Ну, вот тебе и дрова, топи печь; а я нынче пойду – приищу купить избу да лесу на двор. Корову также купить надо».

Мать говорит: «Ох, денег много на все надо».

А отец говорит: «А работать будем. Вон мужик-то растет!» Отец показал на меня.

Вот отец помолился богу, поел хлебца, оделся и говорит матери: «А есть яички свежие, так испеки в золе к обеду». И пошел со двора.

Отец долго не ворочался. Я стал проситься у матери за отцом. Она не пускала. Я хотел уйти, а мать не пустила меня и побила. Я сел на печку и стал плакать, тут отец вошел в избу и говорит: «О чем плачешь?» Я говорю: «Я хотел за тобой бечь, а мать меня не пустила, да еще побила», – и еще пуще заплакал. Отец засмеялся, подошел к матери и стал ее бить нарочно, а сам приговаривал: «Не бей Федьку!» Мать нарочно будто заплакала, отец засмеялся и говорит: «Вот вы с Федькой какие на слезы слабые, сейчас и плакать». Потом отец сел за стол, посадил меня с собой рядом и закричал: «Ну, теперь давай нам, мать, с Федюшкой обедать: мы есть хотим».

Мать дала нам каши и яиц, и мы стали есть. А мать говорит: «Ну, что же, – иструб?» А отец говорит: «Купил: восемьдесят целковых, липовый, белый, как стекло. Вот дай срок, мужикам купим винца, они мне и свезут воскресным делом».

С тех пор мы стали хорошо жить..

Кот и мыши

(Басня)

Завелось в одном доме много мышей. Кот забрался в этот дом и стал ловить мышей. Увидали мыши, что дело плохо, и говорят: «Давайте, мыши, не будем больше сходить с потолка, а сюда к нам коту не добраться!» Как перестали мыши сходить вниз, кот и задумал, как бы их перехитрить. Уцепился он одной лапой за потолок, свесился и притворился мертвым. Одна мышь выглянула на него, да и говорит: «Нет, брат! хоть мешком сделайся, и то не подойду».

Лед, вода и пар

(Рассуждение)

Лед бывает крепкий, как камень. Если во льду вмерзнет палка, то палку эту не выломаешь изо льда, пока не оттаешь. Когда лед холоден, то по нем воза ездят и не проваливаются, и брось на него 10 пудов железа, лед не провалится.

Чем холоднее лед, тем он крепче. Как согреется лед, так он слабнет, делается, как каша; что в нем вмерзло, рукой можно вынуть; он проваливается под ногами и не удержит и фунта железа. Когда лед еще больше согреется, то он станет водой. Из воды всякую вещь легко вынуть, и вода уже ничего не держит, кроме дерева. Если еще станешь согревать воду, она еще меньше станет держать. В холодной воде легче плавать, чем в теплой. А в горячей воде и дерево тонет.

Если еще согреть воду, она и вовсе разойдется паром; и пар уже ничего не держит и сам идет во все стороны.

Если кипятить воду под крышкой, то вода испарится и сядет каплями под крышкой, стечет вниз и опять станет вода. Собрать эту воду и выставить на мороз – опять станет лед.

Согрей воду – будет пар; застуди воду – будет лед. Все та же вода бывает летучая, когда согреется, и крепкая, когда остынет.

Во льду нет тепла, в воде есть немного, а в паре – очень много.

Если ко льду приставить льдину, то льдина не согреется и не похолодеет.

А если польешь воды на лед, то лед потеплеет, а вода похолодеет. Лед растает, если воды много, и вода замерзнет, если льду много.

А если на лед пустить пар, то лед потеплеет, а пар похолодеет: лед растает, станет водой, а пар охолодеет и тоже станет водой.

Если вода холодная и воздух холодный, то ни вода не согреется, ни воздух не похолодеет. Но если воздух теплый, а вода холодная, что будет? – Из воздуха тепло будет переходить в воду, вода станет все теплее, а воздух все холоднее, до тех пор, пока они сравняются.

Если воздух теплее воды, то вода согреется, а воздух остынет; а если вода теплее, то воздух согреется, а вода остынет.

Если на воздухе из жидкой воды делается мерзлая вода, то, значит, вода теплее воздуха, – она будет холодеть, а воздух теплеть.

Если на воздухе летучая вода делается жидкой водой – значит, воздух холоднее летучей воды, и вода будет стыть, а воздух греться.

Если из крепкой воды делается на воздухе жидкая вода – значит, воздух теплее, он будет стыть, крепнуть, а лед греться.

Если на воздухе из воды делается пар, высыхает вода – значит, воздух теплее, он будет стыть, а вода греться.

Льдом нельзя греть, а водой и паром можно греть. Водой можно вот как греть: провести в холодный дом воду. Когда вода замерзнет, так лед выносить вон; опять замерзнет, – опять выносить вон. И в доме все будет теплее, и так станет тепло, что вода не станет уж мерзнуть. Отчего это так будет? – Оттого, что как вода замерзнет, так она выпустит из себя лишнее тепло в воздух, и до тех пор будет выпускать, пока воздух согреется, и вода перестанет мерзнуть.

Паром греют вот как: напустят пару в холодный дом. Пар станет охлаживаться, каплями потечет книзу и станет водой. Воду эту выносят, и в доме становится тепло.

Отчего это так будет? – Оттого, что как только пар станет водой, он выпустит из себя лишнее тепло в воздух.

Когда из воды делается лед, а из пара делается вода, то в воздух выходит тепло из воды и из пара – и воздух становится теплее. А когда из льда делается вода, а из воды делается пар, то тепло из воздуха выходит в воду и в пар – и воздух становится холоднее.

Если хочешь остудить теплую горницу, принеси льду и дай ему растаять. Отчего станет холоднее? – Оттого, что лед, чтоб ему сделаться водой, заберет в себя тепло из воздуха.

Если хочешь остудить, налей воды и дай ей высохнуть. Отчего так будет? – Оттого, что из воды сделается пар. А чтобы из воды сделаться паром, она заберет много тепла из воздуха.

От этого бывает холоднее, когда идет дождь, и теплее, когда собирается дождь. Когда идет дождь, то вода сохнет, испаряется и забирает в себя тепло. А когда собирается дождь, то в воздухе ходят пары и охлаждаются в тучи: от них-то и тепло.

Так и говорят, что парит.

Перепелка и перепелята
(Басня)

Мужики косили луга, а в лугу, под кочкой, было перепелиное гнездо.

Перепелка с кормом прилетела к гнезду и увидела, что кругом все обкошено. Она и говорит перепелятам: «Ну, дети, беда пришла! Теперь молчите и не шевелитесь, а то пропадете; вечером переведу вас». А перепелята радовались, что в лугу светлее стало, и говорили: «Мать – старая, оттого и не хочет, чтобы мы веселились», – и стали пищать и свистать.

Ребята принесли мужикам на покос обедать; услышали перепелят и порвали им головы.

Булька

(Рассказ офицера)

У меня была мордашка. Ее звали Булькой. Она была вся черная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, черные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смиренный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нем держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушел от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную, как вдруг увидел, что по дороге катится что-то черное и блестящее. Это был Булька в своем медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюны, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не успевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так верст двадцать в самый жар.

Булька и кабан

(Рассказ)

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабаном, и Булька прибежал со мной. Только что гончие погнались, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это была в ноябре месяце; кабаны и свиньи тогда бывают очень жирные.

На Кавказе, в лесах, где живут кабаны, бывает много вкусных плодов: дикого винограда, шишек, яблок, груш, ежевики, желудей, терновнику. И когда все эти плоды поспеют и тронутся морозом, – кабаны отъедаются и жиреют.

В то время кабан так бывает жирен, что не долго может бегать под собаками. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. По лаю собак можно знать, стал ли кабан, или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют; а если он стоит, то они лают, как на человека, и подвывают.

В эту охоту я долго бегал по лесу, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Наконец, я услышал протяжный лай и вой гончих собак и побежал к тому месту. Уж я был близко от кабана. Мне уже слышен был треск по чаще. Это ворочался кабан с собаками. Но слышно было по лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдруг я услышал – зашуршало что-то сзади, и увидел Бульку. Он, видно, потерял гончих в лесу и спутался, а теперь слышал их лай и так же, как я, что было духу катился в ту сторону. Он бежал через полянку, по высокой траве, и мне от него видна только была его черная голова и закушенный язык в белых зубах. Я окликнул его, но он не оглянулся, обогнал меня и скрылся в чаще. Я побежал за ним, но чем дальше я шел, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru уже был близок к лаю, но ничего не мог видеть.

Вдруг я услышал, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабан стал отдуваться и захрипел. Я так и думал, что теперь Булька добрался до него и возится с ним. Я из последних сил побежал чрез чащу к тому месту. В самой глухой чаще я увидел пеструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трех шагах от нее возилось и чернело что-то.

Когда я подвинулся ближе, я рассмотрел кабана и услышал, что Булька пронзительно завизжал. Кабан захрюкал и посунулся на гончую, – гончая поджала хвост и отскочила. Мне стал виден бок кабана и его голова. Я прицелился в бок и выстрелил. Я видел, что попал. Кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще. Собаки визжали, лаяли следом за ним, я по чаще ломился за ними. Вдруг, почти у себя под ногами, я увидел и услышал что-то. Это был Булька. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови. Я подумал: пропала собака; но мне теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидел кабана. Собаки хватили его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабан увидел меня, он сунулся ко мне. Я выстрелил другой раз, почти в упор, так что щетина загорелась на кабане, и кабан захрипел, зашатался и всей тушей тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошел, кабан уже был мертвый и только то там, то тут его пучило и подергивало. Но собаки, оцетинившись, одни рвали его за брюхо и за ноги, а другие лакали кровь из раны.

Тут я вспомнил про Бульку и пошел его искать. Он полз мне навстречу и стонал. Я подошел к нему, присел и посмотрел его рану. У него был распорот живот и целый комок кишок из живота волочился по сухим листьям. Когда товарищи подошли ко мне, мы вправили Бульке кишки и зашили ему живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он все лизал мне руки.

Кабана привязали к хвосту лошади, чтоб вывезти из лесу, а Бульку положили на лошадь и так привезли его домой. Булька проболел недель шесть и выздоровел.

Фазаны (Описание)

На Кавказе диких кур зовут фазанами. Их так много, что они там дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся с кобылкой, с подсаду и из-под собаки.

С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку, в середине рамки сделают перекладину, а в парусине сделают прорешку. Эта рамка с парусиной называется кобылкой. С этой кобылкой и с ружьем на заре выходят в лес. Кобылку несут перед собой и высматривают в прорешку фазанов. Фазаны по зарям кормятся на полянках; иногда целый выводок – наседка с цыплятами, иногда петух с курицей, иногда несколько петухов вместе.

Фазаны не видят человека, а не боятся парусины и подпускают к себе близко. Тогда охотник ставит кобылку, высовывает ружье в прореху и стреляет по выбору.

С подсаду охотятся вот как: пустят дворную собачонку в лес и ходят за ней. Когда собака найдет фазана, она бросится за ним. Фазан взлетит на дерево, и тогда собачонка начинает на него лаять. Охотник подходит на лай и стреляет фазана на дереве. Охота эта была бы легка, если бы фазан садился на дерево на чистом месте и сидел бы прямо на дереве – так, чтобы его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густые деревья, в чаще, и как завидят охотника, так прячутся в сучках. И бывает трудно пролезть в чаще к дереву, где сидит фазан, и трудно рассмотреть его. Когда собака одна лает на фазана, он не боится ее, сидит на сучке и еще петушится на нее и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека, то сейчас же вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его, а непривычный будет стоять подле и ничего не увидит.

Когда казаки подкрадываются к фазанам, то они надвигают шапку на свое лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьем, а больше всего боится его глаз.

Из-под собаки охотятся вот как: берут легавую собаку и ходят за ней по лесу. Собака чутьем услышит, где на заре ходили и кормились фазаны, и станет разбирать их следы. И сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдет последний след, выход с того места, где кормились. Чем дальше будет идти собака

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru по следу, тем сильнее ей будет пахнуть, и так она дойдет до того места, где днем сидит в траве или ходит фазан. Когда она подойдет близко, тогда ей будет казаться, что фазан уж тут, прямо перед ней, и она все будет идти осторожнее, чтобы не спугнуть его, и будет останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдет совсем близко, тогда фазан вылетает, и охотник стреляет.

Мильтон и Булька

(Рассказ)

Я завел себе для фазанов легавую собаку. Собаку эту звали Мильтон: она была высокая, худая, крапчатая по серому, с длинными брылами и ушами и очень сильная и умная. С Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Он, бывало, только покажет свои зубы, и собаки поджимают хвосты и отходят прочь. Один раз я пошел с Мильтоном за фазанами. Вдруг Булька прибежал за мной в лес. Я хотел прогнать его, но никак не мог. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думал, что он не будет мешать мне, и пошел дальше; но только что Мильтон почуял в траве фазана и стал искать, Булька бросился вперед и стал соваться во все стороны. Он старался прежде Мильтона поднять фазана. Он что-то такое слышал в траве, прыгал, вертелся: но чутье у него плохое, и он не мог найти следа один, а смотрел на Мильтона и бежал туда, куда шел Мильтон. Только что Мильтон тронется по следу, Булька забежит вперед. Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог сделать с ним. Как только Мильтон начинал искать, он бросался вперед и мешал ему. Я хотел уже идти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперед, Мильтон бросит след, повернет в другую сторону и притворится, что он ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнет хвостом и пойдет опять по настоящему следу. Булька опять прибегает к Мильтону, забегает вперед, и опять Мильтон нарочно сделает шагов десять в сторону, обманет Бульку и опять поведет меня прямо. Так что всю охоту он обманывал Бульку и не дал ему испортить дело.

Черепаша

(Рассказ)

Один раз я пошел с Мильтоном на охоту. Подле леса он начал искать, вытянул хвост, поднял уши и стал принюхиваться. Я приготовил ружье и пошел за ним. Я думал, что он ищет куропатку, фазана или зайца. Но Мильтон не пошел в лес, а в поле. Я шел за ним и глядел вперед. Вдруг я увидал то, что он искал. Впереди его бежала небольшая черепаха, величиною с шапку. Голая темно-серая голова на длинной шее была вытянута, как пестик; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ее вся была покрыта корой.

Когда она увидела собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, так что видна была только одна скорлупа. Мильтон схватил ее и стал грызть, но не мог прокусить ее, потому что у черепахи на брюхо такая же скорлупа, как и на спине. Только спереди, сзади и с боков есть отверстия, куда она пропускает голову, ноги и хвост.

Я отнял черепаху у Мильтона и рассмотрел, как у нее разрисована спина, и какая скорлупа, и как она туда прячется. Когда держишь ее в руках и смотришь под скорлупу, то только внутри, как в подвале, видно что-то черное и живое. Я бросил черепаху на траву и пошел дальше, но Мильтон не хотел ее оставить, а нес в зубах за мною. Вдруг Мильтон взвизгнул и пустил ее. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему рот. Он так рассердился на нее за это, что стал лаять, и опять схватил ее и понес за мною. Я опять велел бросить, но Мильтон не слушался меня. Тогда я отнял у него черепаху и бросил. Но он не оставил ее. Он стал торопиться лапами подле нее рыть яму. И когда вырыл яму, то лапами завалил в яму черепаху и закопал землю.

Черепаша живут и на земле, и в воде, как ужи и лягушки. Детей они выводят яйцами, и яйца кладут на земле, и не высидывают их, а яйца сами, как рыба икра, лопаются – и выводятся черепахи. Черепаша бывают маленькие, не больше блюдечка, и большие, в три аршина длины и весом в 20 пудов. Большие черепахи живут в морях.

Одна черепаха в весну кладет сотни яиц. Скорлупа черепахи – это ее ребра. Только у людей и других животных ребра бывают каждое отдельно, а у черепахи ребра срослись в скорлупу. Главное же то, что у всех животных ребра бывают внутри, под

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
мясом, а у черепахи ребра сверху, а мясо под ними.

Булька и волк
(Рассказ)

Когда я уезжал с Кавказа, тогда еще там была война, и ночью опасно было ездить без конвоя.

Я хотел выехать как можно раньше утром и для этого не ложился спать.

Мой приятель пришел провожать меня, и мы сидели весь вечер и ночь на улице станицы перед моей хатой.

Была месячная ночь с туманом, и было так светло, что читать можно, хотя месяца и не видно было.

В середине ночи мы вдруг услышали, что через улицу на дворе пищит поросенок. Один из нас закричал: «Это волк душит поросенка».

Я побежал к себе в хату, схватил заряженное ружье и выбежал на улицу. Все стояли у ворот того двора, где нищал поросенок, и кричали мне: «Сюда!» Мильтон бросился за мной, – верно, думал, что я на охоту иду с ружьем, – а Булька поднял свои короткие уши и метался из стороны в сторону, как будто спрашивал, в кого ему велят вцепиться. Когда я подбежал к плетню, я увидел, что с той стороны двора, прямо ко мне, бежит зверь. Это был волк. Он подбежал к плетню и вскочил на него. Я отсторонился от него и приготовил ружье. Как только волк соскочил с плетня на мою сторону, я приложился почти в упор и спустил курок; но ружье сделало «чик» и не выстрелило. Волк не остановился и побежал через улицу. Мильтон и Булька пустились за ним. Мильтон был близко от волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, как ни торопился на своих коротких ногах, не мог поспеть. Мы бежали что было силы за волком, но и волк и собаки скрылись у нас из виду. Только у канавы, на углу станицы, мы услышали подлаиванье, визг и видели сквозь месячный туман, что поднялась пыль и что собаки возились с волком. Когда мы прибежали к канаве, волка уже не было, и обе собаки вернулись к нам с поднятыми хвостами и рассерженными лицами. Булька рычал и толкал меня головой, – он, видно, хотел что-то рассказать, но не умел.

Мы осмотрели собак и нашли, что у Бульки на голове была маленькая рана. Он, видно, догнал волка перед канавой, но не успел захватить, и волк огрызнулся и убежал. Рана была небольшая, так что ничего опасного не было.

Мы вернулись назад к хате, сидели и разговаривали о том, что случилось. Я досадовал на то, что ружье мое осеклось, и все думал о том, как бы тут же на месте остался волк, если б оно выстрелило. Приятель мой удивлялся, как волк мог залезть на двор. Старый казак говорил, что тут нет ничего удивительного, что это был не волк, что это была ведьма и что она заколдовала мое ружье. Так мы сидели и разговаривали. Вдруг собаки бросились, и мы увидели на середине улицы, перед нами, опять того же волка; но в этот раз он, от нашего крика, так скоро побежал, что собаки уже не догнали его.

Старый казак после этого уже совсем уверился, что это был не волк, а ведьма; а я подумал, что не бешеный ли это был волк, потому что я никогда не видывал и не слыхивал, чтобы волк, после того как его прогнали, вернулся опять на народ.

На всякий случай я посыпал Булке на рану порошу и зажег его. Порох вспыхнул и выжег больное место.

Я выжег порохом рану затем, чтобы выжечь бешеную слюну, если она еще не успела войти в кровь. Если же попала слюна и вошла уже в кровь, то я знал, что по крови она разойдется по всему телу, и тогда уже нельзя вылечить.

Что случилось с Булкой в Пятигорске
(Рассказ)

Из станицы я поехал не прямо в Россию, а сначала в Пятигорск, и там пробыл два месяца. Мильтона я подарил казаку-охотнику, а Бульку взял с собой в Пятигорск.

Пятигорск так называется оттого, что он стоит на горе Бештау. А Беш по-татарски значит пять, тау – гора. Из этой горы течет горячая серная вода. Вода эта горяча, как кипяток, и над местом, где идет вода из горы, всегда стоит пар, как

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru над самоваром. Все место, где стоит город, очень веселое. Из гор текут горячие родники, под горой течет речка Подкумок. По горе – леса, кругом – поля, а вдалеке всегда видны большие Кавказские горы. На этих горах снег никогда не тает, и они всегда белые, как сахар. Одна большая гора Эльбрус, как сахарная белая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячие ключи приезжают лечиться; и над ключами сделаны беседки, навесы, кругом разбиты сады и дорожки. По утрам играет музыка, и народ пьет воду или купается и гуляет.

Самый город стоит на горе, а под горой есть слобода. Я жил в этой слободе в маленьком домике. Домик стоял на дворе, и перед окнами был садик, а в саду стояли хозяйские пчелы – не в колодах, как в России, а в круглых плетушках. Пчелы там так смиренны, что я всегда по утрам с Булькой сиживал в этом садике промежду ульев.

Булька ходил промежду ульев, удивлялся на пчел, нюхал, слушал, как они гудят, но так осторожно ходил около них, что не мешал им, и они его не трогали.

Один раз утром я вернулся домой с вод и сел пить кофей в палисаднике. Булька стал чесать себе за ушами и греметь ошейником. Шум тревожил пчел, и я снял с Бульки ошейник. Немного погодя я услышал из города с горы странный и страшный шум. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шум этот спускался с горы и подходил все ближе и ближе к нашей слободе. Булька перестал чесаться, уложил свою широкую голову с белыми зубами промеж передних белых лапок, уложил и язык, как ему надо было, и смиренно лежал подле меня. Когда он услышал шум, он как будто понял, что это такое, насторожил уши, оскалил зубы, вскочил и начал рычать. Шум приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышел к воротам посмотреть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросил: «Что это такое?» Она сказала: «Это колодники из острога ходят – собак бьют. Развелось много собак, и городское начальство велело бить всех собак по городу».

– Как, и Бульку убьют, если попадетсЯ?

– Нет, в ошейниках не велят бить.

В то самое время, как я говорил, колодники подошли уже к нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника в цепях. У двух колодников в руках были длинные железные крючья и у двух дубины. Перед нашими воротами один колодник крючком зацепил дворную собачонку, притянул ее на середину улицы, а другой колодник стал бить ее дубиной. Собачонка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смеялись. Колодник с крючком перевернул собачонку, и когда увидал, что она издохла, он вынул крючок и стал оглядываться, нет ли еще собаки.

В это время Булька стремглав, как он кидался на медведя, бросился на этого колодника. Я вспомнил, что он без ошейника, и закричал: «Булька, назад!» – и кричал колодникам, чтобы они не били Бульку. Но колодник увидал Бульку, захохотал и крючком ловко ударил в Бульку и зацепил его за ляжку. Булька бросился прочь; но колодник тянул к себе и кричал другому: «Бей!» Другой замахнулся дубиной, и Булька был бы убит, но он рванулся, кожа прорвалась на ляжке, и он, поджав хвост, с красной раной на ноге, стремглав влетел в калитку, в дом и забился под мою постель.

Он спасся тем, что кожа его прорвалась насквозь в том месте, где был крючок.

Конец Бульки и Мильтона
(Рассказ)

Булька и Мильтон кончились в одно и то же время. Старый казак не умел обращаться с Мильтоном. Вместо того чтобы брать его с собою только на птицу, он стал водить его за кабанями. И в ту же осень секач [2] кабан спорол его. Никто не умел его зашить, и Мильтон издох.

Булька тоже недолго жил после того, как он спасся от колодников. Скоро после своего спасения от колодников он стал скучать и стал лизать все, что ему попадалось. Он лизал мне руки, но не так, как прежде, когда ласкался. Он лизал долго и сильно налегал языком, а потом начинал прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но он не хотел. Я не стал давать ему руку. Тогда он стал лизать мой сапог, ножку стола и потом кусать сапог или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третий день он пропал, и никто не видал и не слышал

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru про него.

Украсть его нельзя было, и уйти от меня он не мог, а случилось это с ним шесть недель после того, как его укусил волк. Стало быть, волк, точно, был бешеный. Булька взбесился и ушел. С ним сделалось то, что называют по-охотничьи – стечка. Говорят, что бешенство в том состоит, что у бешеного животного в горле делаются судороги. Бешеные животные хотят пить и не могут, потому что от воды судороги делаются сильнее. Тогда они от боли и от жажды выходят из себя и начинают кусать. Верно, у Бульки начинались эти судороги, когда он начинал лизать, а потом кусать мою руку и ножку стола.

Я ездил везде по округе и спрашивал про Бульку, но не мог узнать, куда он делся и как он издох. Если бы он бегал и кусал, как делают бешеные собаки, то я бы услышал про него. А верно, он забежал куда-нибудь в глушь и один умер там. Охотники говорят, что когда с умной собакой сделается стечка, то она убегает в поля или леса и там ищет травы, какой ей нужно, вываливается по росам и сама лечится. Видно, Булька не мог вылечиться. Он не вернулся и пропал.

Птицы и сети
(Басня)

Охотник поставил у озера сети и накрыл много птиц. Птицы были большие, подняли сеть и улетели с ней. Охотник побежал за птицами. Мужик увидел, что охотник бежит, и говорит: «И куда бежишь? Разве пешком можно догнать птицу?» Охотник сказал: «Кабы одна была птица, я бы не догнал, а теперь догоню».

Так и сделалось. Как пришел вечер, птицы потянули на ночлег, каждая в свою сторону: одна к лесу, другая к болоту, третья в поле; и все с сетью упали на землю, и охотник взял их.

Чутье
(Рассуждение)

Человек видит глазами, слышит ушами, нюхает носом, отвеживает языком и щупает пальцами. У одного человека лучше видят глаза, а у другого хуже. Один слышит издали, а другой глух. У одного чутье сильнее, и он слышит, чем пахнет издали, а другой нюхает гнилое яйцо, а не чувствует. Один ощупью узнает всякую вещь, а другой ничего на ощупь не узнает, не разберет дерева от бумаги. Один чуть возьмет в рот, слышит, что сладко, а другой проглотит и не разберет, горько или сладко.

Так и у зверей разных разные чувства сильнее. Но у всех зверей чутье сильнее, чем у человека.

Человек, когда захочет узнать вещь, посмотрит ее, послушает, как она шумит, иногда понюхает и отвеживает; но человеку для того, чтобы узнать вещь, нужнее всего ее пощупать.

А для зверей почти для всех нужнее всего понюхать вещь. Лошадь, волк, собака, корова, медведь до тех пор не знают вещи, пока ее не понюхают.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркает – прочищает себе нос, чтобы лучше чувствовать, и до тех пор не перестанет бояться, пока не обнюхает.

Собака часто бежит за хозяином по следу, а увидит хозяина – испугается, не узнает и начнет лаять до тех пор, пока не обнюхает его и не узнает, что то, что ей на глаз страшно, есть самый ее хозяин.

Быки видят, как бьют быков, слышат, как режут быки на бойне, и всё не понимают, что такое делается. Но стоит корове или быку найти на место, где бычачья кровь, да понюхать, и он поймет, начнет реветь, бить ногами, и его не отгонишь от того места.

У одного старика заболела жена; он пошел сам доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велела мужу надеть свою шубейку и платок на голову, – корова дала молоко; но старик распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончие собаки, когда гоняют зверя по следу, то никогда не бегут по самому следу, а стороной, шагов на 20. Когда незнающий охотник хочет навестить собаку на след зверя и ткнет собаку носом в самый след, то собака всегда отскочит в сторону.

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Для нее след так сильно пахнет, что она ничего не разберет на самом следе и не знает, вперед или назад побегал зверь. Она отбежит в сторону и тогда только чует, в какую сторону сильнее пахнет, и бежит за зверем. Она делает то же, что мы делаем, если нам говорят громко над самым ухом: мы отойдем и тогда издали только разберем, что говорят; или когда слишком близко от нас то, что мы рассматриваем, – мы отстранимся и тогда рассмотрим.

Собаки узнают друг друга и дают друг другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутье у насекомых. Пчела прямо летит на тот цветок, какой ей нужен. Червяк ползет к своему листу. Клоп, блоха, комар чуют человека на сотни тысяч клопных шагов.

Если малы частицы те, которые отделяются от вещества и попадают в наш нос, то как же малы должны быть частицы те, которые попадают в чутье насекомых!

Собаки и повар
(Басня)

Повар готовил обед; собаки лежали у дверей кухни. Повар убил теленка и бросил кишки на двор. Собаки подхватили, поели и говорят: «Повар хороший: хорошо стряпает».

Немного погодя повар стал чистить горох, репу и лук и выбросил обрезки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорят: «Испортился наш повар – прежде хорошо готовил, а теперь никуда не годится».

Но повар не слушал собак, а стряпал обед по-своему. Обед съели и похвалили хозяева, а не собаки.

Основание Рима
(История)

Был один царь, и у него было два сына: Нумитор и Амулий. Когда он умирал, он сказал сыновьям: «Как вы хотите разделить между собою? Кто возьмет себе царство, а кто все мои богатства?» Нумитор взял царство, а Амулий взял богатства. Когда Амулий взял богатства, ему стало завидно, что брат его царем, и он стал дарить солдат и уговаривать, чтобы они прогнали Нумитора, а его бы поставили царем. Солдаты так и сделали, и Амулий стал царем. У Нумитора была дочь. У дочери этой родилась двойня – два мальчика. Оба были велики и красивы.

Амулий боялся, чтобы народ не полюбил этих близнецов, когда они вырастут, и не выбрал бы их царями. Он позвал своего слугу, Фаустина, и сказал ему: «Возьми этих двух мальчиков и брось их в реку».

Река называлась Тибр.

Фаустин положил детей в зыбку, отнес на берег и положил там. Фаустин думал, что они помрут сами. Но Тибр разлился до берега, поднял колыбельку, понес ее и поставил у высокого дерева. Ночью пришла волчица и стала своим молоком кормить близнецов.

Мальчики выросли большие и стали красивые и сильные. Они жили в лесу недалеко от того города, где жил Амулий, научились бить зверей и тем кормились. Народ узнал их и полюбил за их красоту. Большого прозвали Ромулом, а меньшего – Ремом.

Один раз пастухи Нумитора и Амулия стерегли скотину недалеко от леса и поссорились: Амулиевы пастухи угнали стада Нумитора. Близнецы увидели это и побежали за пастухами, догнали их и отняли скотину.

Пастухи Нумитора были сердиты за это на близнецов, выбрали время, когда Ромула не было, схватили Рема и привели в город к Нумитору и говорят: «Проявились в лесу два брата, отбивают скотину и разбойничают. Вот мы одного поймали и привели». Нумитор велел отвести Рема к царю Амулию. Амулий сказал: «Они обидели братниных пастухов, пускай брат их и судит». Рема опять привели к Нумитору. Нумитор позвал его к себе и спросил: «Откуда ты и кто ты такой?»

Рем сказал: «Нас два брата; когда мы были маленькие, нас принесло в колыбельке к дереву на берегу Тибра, и там нас кормили дикие звери и птицы. И там мы выросли. А чтобы узнать, кто мы такие, – у нас осталась наша зыбка. На ней медные полоски

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru и на полосках что-то написано».

Нумитор удивился и подумал: не его ли это внуки? Он оставил у себя Рема и послал за Фаустином, чтобы спросить его.

Между тем Ромул искал брата и нигде не мог найти его. Когда ему сказали пастухи, что брата повели в город, – он взял с собою зыбку и пошел за ним. Фаустин сейчас узнал зыбку и сказал народу, что это внуки Нумитора, что Амулий хотел утопить их. Тогда народ озлобился на Амулия и убил его, а Ромула и Рема выбрал царями. Но Ромул и Рем не захотели жить в этом городе и оставили тут царствовать своего деда Нумитора. А сами пошли назад к тому месту под деревом, где их выкормила волчица, подле реки Тибра, и построили там новый город – Рим.

Бог правду видит, да не скоро скажет
(Быль)

В городе Владимире жил молодой купец Аксенов. У него были две лавки и дом.

Из себя Аксенов был русский, кудрявый, красивый и первый весельчак и песенник. Смолоду Аксенов много пил, и когда напивался – буянил, но с тех пор как женился, он бросил пить, и только изредка это случалось с ним.

Раз летом Аксенов поехал в Нижний на ярмарку. Когда он стал прощаться с семьей, жена сказала ему:

– Иван Дмитриевич, не ездь ты нынче, я про тебя дурно во сне видела.

Аксенов посмеялся и сказал:

– Ты все боишься, как бы не загулял я на ярмарке?

Жена сказала:

– Не знаю сама, чего боюсь, а так дурно видела, – видела, будто ты приходишь из города, снял шапку, а я гляжу: голова у тебя вся седая.

Аксенов засмеялся.

– Ну, это к прибыли. Смотри, как расторгуюсь, дорогих гостинцев привезу.

И он простился с семьей и уехал.

На половине дороги съехался он с знакомым купцом и с ним вместе остановился ночевать. Они напились чаю вместе и легли спать в двух комнатах рядом. Аксенов не любил долго спать; он проснулся среди ночи и, чтобы легче холодком было ехать, взбудил ямщика и велел запрягать. Потом вышел в черную избу, расчелся с хозяином и уехал.

Отъехавши верст сорок, он опять остановился кормить, отдохнул в сенях на постоялом дворе и в обед вышел на крыльцо и велел поставить самовар; достал гитару и стал играть; вдруг ко двору подъезжает тройка с колокольчиком, и из повозки выходит чиновник с двумя солдатами, подходит к Аксенову и спрашивает: кто, откуда? Аксенов все рассказывает, как есть, и просит: не угодно ли чайку вместе выпить? Только чиновник все пристаёт с расспросами: «Где ночевал прошлую ночь? Один или с купцом? Видел ли купца поутру? Зачем рано уехал со двора?» Аксенов удивился, зачем его обо всем спрашивают: все рассказал, как было, да и говорит: «Что ж вы меня так выспрашиваете? Я не вор, не разбойник какой-нибудь. Еду по своему делу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновник кликнул солдат и сказал:

– Я исправник и спрашиваю тебя затем, что купец, с каким ты ночевал прошлую ночь, зарезан. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Взошли в избу, взяли чемодан и мешок и стали развязывать и искать. Вдруг исправник вынул из мешка ножик и закричал:

– Это чей ножик?

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Аксенов поглядел, видит – ножик в крови из его мешка достали, и испугался.

– А отчего кровь на ноже?

Аксенов хотел отвечать, но не мог выговорить слова.

– Я... я не знаю... я... пож... я... не мой... Тогда исправник сказал:

– Поутру купца нашли зарезанным на постели. Кроме тебя, некому было это сделать. Изба была заперта изнутри, а в избе никого, кроме тебя, не было. Вот и ножик в крови у тебя в мешке, да и по лицу видно. Говори, как ты убил его и сколько ты ограбил денег?

Аксенов божился, что не он это сделал, что не видал купца после того, как пил чай с ним, что деньги у него свои 8000, что ножик не его. Но голос у него обрывался, лицо было бледно, и он весь трясся от страха, как виноватый.

Исправник позвал солдат, велел связать и вести его на телегу. Когда его с связанными ногами взвалили на телегу, Аксенов перекрестился и заплакал. У Аксенова отобрали вещи и деньги, отослали его в ближний город, в острог. Послали во Владимир узнать, какой человек был Аксенов, и все купцы и жители владимирские показали, что Аксенов смолоду пил и гулял, но был человек хороший. Тогда его стали судить. Судили его за то, что он убил рязанского купца и украл 20000 денег.

Жена убивалась о муже и не знала, что думать. Дети ее еще все были малы, а один был у груди. Она забрала всех с собою и поехала в тот город, где ее муж содержался в остроге. Сначала ее не пускали, но потом она упросила начальников, и ее привели к мужу. Когда она увидела его в острожном платье, в цепях, вместе с разбойниками, – она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потом она поставила детей вокруг себя, села с ним рядышком и стала сказывать ему про домашние дела и спрашивать его про все, что с ним случилось. Он все рассказал ей. Она сказала:

– Как же быть теперь? Он сказал:

– Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошение царю, но что прошение не дошло. Аксенов ничего не сказал и только потупился. Тогда жена сказала:

– Недаром я тогда, помнишь, видела сон, что ты сед стал. Вот уж и вправду ты с горя поседел. Не ездить бы тебе тогда.

И она начала перебирать его волоса и сказала:

– Ваня, друг сердечный, жене скажи правду: не ты сделал это?

Аксенов сказал: «И ты подумала на меня!» – закрылся руками и заплакал. Потом пришел солдат и сказал, что жене с детьми надо уходить. И Аксенов в последний раз простился с семьей.

Когда жена ушла, Аксенов стал вспоминать, что говорили. Когда он вспомнил, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, он ли убил купца, он сказал себе: «Видно, кроме бога, никто не может знать правды, и только его надо просить и от него только ждать милости». И с тех пор Аксенов перестал подавать прошения, перестал надеяться и только молился богу.

Аксенова присудили. наказать кнутом и сослать в каторжную работу. Так и сделали.

Его высекли кнутом и потом, когда от кнута раны зажили, его погнали с другими каторжниками в Сибирь.

В Сибири, на каторге, Аксенов жил 26 лет. Волоса его на голове стали белые как снег, и борода отросла длинная, узкая и седая. Вся веселость его пропала. Он сгорбился, стал ходить тихо, говорил мало, никогда не смеялся и часто молился богу.

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
В остроге Аксенов выучился шить сапоги и на заработанные деньги купил
Четьи-Минеи и читал их, когда был свет в остроге; а по праздникам ходил в
острожную церковь, читал Апостол и пел на клиросе, – голос у него все еще был
хорош. Начальство любило Аксенова за его смиренность, а товарищи острожные
почитали его и называли «дедушкой» и «божьим человеком». Когда бывали просьбы по
острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промеж
каторжных были ссоры, то они всегда к Аксенову приходили судиться.

Из дому никто не писал писем Аксенову, и он не знал, живы ли его жена и дети.

Привели раз на каторгу новых колодников. Вечером все старые колодники собрались
вокруг новых и стали их расспрашивать, кто из какого города или деревни и кто за
какие дела. Аксенов тоже подсел на нары подле новых и, потупившись, слушал, кто
что рассказывал. Один из новых колодников был высокий, здоровый старик лет
60-ти, с седой стриженной бородой. Он рассказывал, за что его взяли. Он говорил:

– Так, братцы, ни за что сюда попал. У ямщика лошадь отвязал от саней. Поймали,
говорят: украл. А я говорю: я только доехать скорей хотел, – я лошадь пустил. Да
и ямщик мне приятель. Порядок, я говорю? – Нет, говорят, украл. А того не знают,
что и где украл. Были дела, давно бы следовало сюда попасть, да не могли
уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь, – бывал в Сибири, да
недолго гащивал...

– А ты откуда будешь? – спросил один из колодников.

– А мы из города Владимира, тамошние мещане. Звать Макар, а величают
Семеновичем.

Аксенов поднял голову и спросил:

– А что, не слыхал ли, Семеныч, во Владимире-городе про Аксеновых-купцов? Живы
ли?

– Как не слыхать! Богатые купцы, даром что отец в Сибири. Такой же, видно, как и
мы, грешные. А ты сам, дедушка, за какие дела?

Аксенов не любил говорить про свое несчастье; он вздохнул и сказал:

– По грехам своим двадцать шестой год нахожусь в каторжной работе.

Макар Семенов сказал:

– А по каким же таким грехам?

Аксенов сказал: «Стало быть, стоило того», и не хотел больше рассказывать, но
другие острожные товарищи рассказали новому, как Аксенов попал в Сибирь. Они
рассказали, как на дороге кто-то убил купца и подсунул Аксенову ножик и как за
это его понапрасну засудили.

Когда Макар Семенов услышал это, он взглянул на Аксенова, хлопнул себя руками по
коленам и сказал:

– Ну, чудо! Вот чудо-то! Постарел же ты, дедушка!

Его стали спрашивать, чему он удивлялся и где он видел Аксенова; но Макар
Семенов не отвечал, он только сказал:

– Чудеса, ребята, где свидеться пришлось!

И с этих слов пришло Аксенову в мысли, что не знает ли этот человек про то, кто
убил купца. Он сказал:

– Или ты слыхал, Семеныч, прежде про это дело, или видал меня прежде?

– Как не слыхать! Земля слухом полнится. Да давно уж дело было: что и слыхал, то
забыл, – сказал Макар Семенов.

– Может, слыхал, кто купца убил? – спросил Аксенов.

Макар Семенов засмеялся и сказал:

– Да, видно, тот убил, у кого ножик в мешке нашелся. Если кто и подсунил тебе ножик, не пойман – не вор. Да и как же тебе ножик в мешок сунуть? Ведь он у тебя в головах стоял? Ты бы услышал.

Как только Аксенов услышал эти слова, он подумал, что этот самый человек убил купца. Он встал и отошел прочь. Всю эту ночь Аксенов не мог заснуть. Нашла на него скука, и стало ему представляться: то представлялась ему его жена такую, какую она была, когда провожала его в последний раз на ярмарку. Так и видел он ее как живую, и видел ее лицо и глаза, и слышал, как она говорила ему и смеялась. Потом представлялись ему дети, такие, какие они были тогда, – маленькие, один в шубке, другой у груди. И себя он вспоминал, каким он был тогда – веселым, молодым; вспоминал, как он сидел на крылечке на постоялом дворе, где его взяли, и играл на гитаре, и как у него на душе весело было тогда. И вспомнил лобное место, где его секли, и палача, и народ кругом, и цепи, и колодников, и всю 26-летнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнил. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

«И все от того злодея!» – думал Аксенов.

И нашла на него такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотелось отомстить ему. Он читал молитвы всю ночь, но не мог успокоиться. Днем он не подходил к Макару Семенову и не смотрел на него.

Так прошли две недели. По ночам Аксенов не мог спать, и на него находила такая скука, что он не знал, куда деваться.

Один раз, ночью, он пошел по острогу и увидал, что из-под одной нары сыплется земля. Он остановился посмотреть. Вдруг Макар Семенов выскочил из-под нары и с испуганным лицом взглянул на Аксенова. Аксенов хотел пройти, чтоб не видеть его; но Макар ухватил его за руку и рассказал, как он прокопал проход под стенами и как он землю каждый день выносит в голенищах и высыпает на улицу, когда их гоняют на работу. Он сказал:

– Только молчи, старик, я и тебя выведу. А если скажешь, – меня засекут, да и тебе не спущу – убью.

Когда Аксенов увидал своего злодея, он весь затрясся от злости, выдернул руку и сказал:

– Выходить мне незачем и убивать меня нечего, – ты меня уже давно убил. А сказывать про тебя буду или нет, – как бог на душу положит.

На другой день, когда вывели колодников на работу, солдаты приметили, что Макар Семенов высыпал землю, стали искать в остроге и нашли дыру. Начальник приехал в острог и стал всех допрашивать: кто выкопал дыру? Все отпирались. Те, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дело его засекут до полусмерти. Тогда начальник обратился к Аксенову. Он знал, что Аксенов был справедливый человек, и сказал:

– Старик, ты правдив; скажи мне перед богом, кто это сделал?

Макар Семенов стоял как ни в чем не бывало, и смотрел на начальника, и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и он долго не мог слова выговорить. Он думал: «Если скрыть его, за что же я его прощу, когда он меня погубил? Пускай поплатится за мое мученье. А сказать на него, точно – его засекут. А что, как я понапрасну на него думаю? Да что ж, мне легче разве будет?»

Начальник еще раз сказал: «Ну, что ж, старик, говори правду: кто подкопался?»

Аксенов поглядел на Макара Семенова и сказал:

– Я не видал и не знаю.

Так и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксенов лег на свою нару и чуть задремал, он услышал, что кто-то подошел и сел у него в ногах. Он посмотрел в темноте и узнал Макара.

Аксенов сказал:

– Что тебе еще от меня надо? Что ты тут делаешь?

Макар Семенов молчал. Аксенов приподнялся и сказал:

– Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макар Семенов нагнулся близко к Аксенову и шепотом сказал:

– Иван Дмитриевич, прости меня!

Аксенов сказал:

– За что тебя прощать?

– Я купца убил, я и ножик тебе подсунил. Я и тебя хотел убить, да на дворе зашумели: я сунул тебе ножик в мешок и вылез в окно. – Аксенов молчал и не знал, что сказать. Макар Семенов спустился с нары, поклонился в землю и сказал:

– Иван Дмитриевич, прости меня, прости, ради бога. Я объявлюсь, что я купца убил, – тебя простят. Ты домой вернешься.

Аксенов сказал:

– Тебе говорить легко, а мне терпеть какво! Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дети забыли; мне ходить некуда...

Макар Семенов не вставал с полу и бился головой о землю и говорил:

– Иван Дмитрич, прости! Когда меня кнутом секли, мне легче было, чем теперь на тебя смотреть... А ты еще пожалел меня – не сказал. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодея окаянного! – и он зарыдал.

Когда Аксенов услышал, что Макар Семенов плачет, он сам заплакал и сказал:

– Бог простит тебя; может быть, я во сто раз хуже тебя! – И вдруг у него на душе легко стало. И он перестал скучать о доме, и никуда не хотел из острога, а только думал о последнем часе.

Макар Семенов не послушался Аксенова и объявился виноватым. Когда вышло Аксенову разрешение вернуться, Аксенов уже умер.

Кристаллы (Рассуждение)

Если сыпать в воду соль и мешать, то соль станет расходиться и так разойдется в воде, что не видать будет соли; но если сыпать еще и еще соли, то под конец соль уж перестанет распускаться, а сколько ты ее ни мешай, так и останется белым порошком в воде. Вода насытилась солью и больше уж принять не может. Но если разогреть воду, она примет еще; и соль, та, которая не распускалась в холодной воде, распустится в горячей. Но если еще насыпать соли, тогда уж и горячая вода не примет больше соли. А если больше станешь греть воду, то сама вода уйдет паром, и соли еще больше останется. Так на каждую вещь, какую вода распускает, у воды есть мера, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускает больше, когда горяча, чем когда холодна, но все же – как насытится горячая вода, так дальше уж не принимает. Вещь останется сама по себе, а вода уйдет паром.

Если насытить воду селитряным порошком, а потом подсыпать еще селитры лишней, всё согреть и не мешавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжет порошком на дне воды, а соберется вся шестигранными столбиками и сядет на дне и по бокам, столбик подле столбика. Если насытить воду селитряным порошком и поставить в теплом месте, то вода уйдет паром, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Если насытить воду простою солью, согреть и также дать уйти воде паром, то лишняя соль сложится тоже не порошок, а кубиками. Если насытить воду селитрой с солью вместе, лишняя селитра и соль не смешаются, сложатся каждая по-своему – селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду известкой, или другою солью, или еще чем-нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдет паром, сложится по-своему: какая в трехгранные столбики, какая в восьмигранные, какая кирпичиками, какая звездочками, – каждая по-своему. Эти-то фигуры разные бывают во всех крепких вещах. Иногда фигуры эти большие, в руку; такие находят камни в земле. Иногда фигуры эти так малы, что простым глазом не разберешь их; но в каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и в ней начинают складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на то же место придут новые кусочки селитры и опять заделают отломанный край точно так, как ему надо быть, – шестигранными столбиками. То же самое и с солью и со всякой другой вещью. Все маленькие порошинки сами ворочаются и приставляются той стороной, какой надо.

Когда замерзает лед, то делается то же самое. Летит снежинка – в ней не видать никакой фигуры; но как только она сядет на что-нибудь темное, – холодное, на сукно, на мех, в ней можно разобрать фигуру: увидишь звездочку или шестиугольную дощечку. На окнах пар примерзает не как попало, а как он станет примерзать, так сейчас сложится в звездочку.

Что такое лед? Это холодная, крепкая вода. Когда из жидкой воды делается крепкая вода, она складывается в фигуры, и из нее выходит тепло. То же самое делается с селитрой; когда она из жидкой складывается в крепкие фигуры, из нее выходит тепло. То же с солью, то же с плавным чугуном, когда он из жидкого делается крепким. Когда какая-нибудь вещь из жидкой делается крепкой, – из нее выходит тепло, и она складывается в фигуры. А когда из крепкой делается жидкая, то вещь забирает в себя тепло, и из нее выходит холод, и фигуры ее распускаются.

Принеси плавного железа и дай ему остывать; принеси теста горячего и дай ему остывать; принеси извести гашеной и дай ей остывать, – будет тепло. Принеси льду и тай его, – станет холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая в воде расходится, и распускай ее в воде, – станет холодно. Чтоб заморозить мороженое, сыплут соль в воду.

Волк и коза
(Басня)

Волк видит – коза пасется на каменной горе, и нельзя ему к ней подобраться; он ей и говорит: «Пошла бы ты вниз: тут и место поровнее, и трава тебе для корма много слаще».

А коза и говорит: «Не за тем ты, волк, меня вниз зовешь, – ты не об моем, а о своем корме хлопчешь».

Поликрат Самосский
(История)

Был один греческий царь Поликрат. Он во всем был счастлив. Он завоевал много городов и стал очень богат. Поликрат и описал в письме всю свою счастливую жизнь и послал это письмо своему другу, царю Амазису, в Египет. Амазис прочел письмо и написал Поликрату ответ, он писал так: «Приятно бывает знать друга в удаче. По мне твое счастье не нравится. По-моему, лучше бывает, когда человеку в одном деле удача, а в другом нет, – чтобы было вперемежку. Послушай меня и сделай вот что: что есть у тебя дороже всего, то возьми и брось куда-нибудь в такое место, чтобы не попалося людям, и тогда у тебя будет счастье вперемежку с несчастьем».

Поликрат прочел это и послушался своего друга. Он сделал вот что: был у него дорогой перстень; взял он этот перстень, собрал много народа и сел со всем народом в лодку. Потом велел ехать в море. И когда выехал далеко ва острова, тогда при всем народе бросил перстень в море и вернулся домой.

На пятый день одному рыбаку случилось поймать очень большую, прекрасную рыбу, и захотел он подарить ее царю. Вот пришел он к Поликрату на двор, и когда Поликрат вышел к нему, рыбак сказал: «Царь, я поймал эту рыбу и принес тебе, потому что такую прекрасную рыбу только царю кушать». Поликрат поблагодарил рыбака и позвал его к себе обедать. Рыбак отдал рыбу и пошел к царю, а повара разрезали рыбу и

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru нашли в ней тот самый перстень, что Поликрат бросил в море.

Когда повара принесли Поликрату его перстень и рассказали, как они нашли его, – Поликрат написал другое письмо в Египет к своему другу Амазису и описал, как он бросил перстень и как он нашелся. Амазис прочел письмо и подумал: «Это не к добру, – видно, нельзя уйти от судьбы. А лучше мне разойтись с своим другом, чтобы потом не жалеть его», – и он послал сказать Поликрату, что дружбе их конец.

В то время был один человек – Оройтес. Этот Оройтес был сердит на Поликрата и хотел погубить его. Вот Оройтес придумал какую хитрость. Написал он Поликрату, что будто персидский царь Камбиз обидел его и хотел убить и что он будто ушел от него. Оройтес так писал Поликрату: «У меня много богатств, но я не знаю, где мне жить. Прими ты меня к себе с моими богатствами, и тогда мы с тобой сделаемся самые сильные цари. А если ты не веришь, что у меня много богатств, так пришли кого-нибудь посмотреть».

Поликрат и послал своего слугу посмотреть, правда ли, что Оройтес привез столько богатств. Когда слуга приехал смотреть богатства, Оройтес так обманул его: он взял много лодок и во все наложил камни, а сверх камней до краев заложил золотом.

Когда слуга Поликрата увидел эти лодки, он поверил, что лодки все по края были полны золотом; так и рассказал Поликрату.

Тогда Поликрат захотел сам ехать к Оройтесу – смотреть его богатства. В эту самую ночь дочь Поликрата увидела во сне, что он будто висит на воздухе. Дочь и стала просить отца, чтоб он не ездил к Оройтесу; но отец рассердился и сказал, что он ее не отдаст замуж, если она не замолчит сейчас. А дочь сказала: «Я рада никогда не идти замуж, только не ездят ты к Оройтесу: я боюсь, что с тобой случится беда».

Отец не послушался ее и поехал. Когда он приехал, Оройтес схватил его и повесил до смерти. Так-то сон дочери и совершился.

Так и случилось, как угадал Амазис, что большое счастье Поликрата кончилось большим несчастьем.

Вольга-богатырь

(Стихи-сказка)

Что не мелки часты звездочки
Рассажились по поднебесью,
Что ни ясен светел месяц
Просветил в небе высоком, –
Осветило красно солнышко
Нашу землю святорусскую:
На святой Руси на матушке
Народился удал молодец
Свет Вольга – сударь Буслаевич;
От рожденья богатырского
Потряслась мать сыра земля,
Море сине всколыбалось,
Рыбы в глубь моря забились,
Звери в чащи схоронились,
Потряслось царство турецкое.
Вырастал Вольга семи годов –
Захотел он много мудрости.
К мудрецам задался в выучку,
И в наук пошло учение.
Понимал Вольга все мудрости:
Обучился первой мудрости –
Оборачиваться птицею;
Обучился другой мудрости –
Оборачиваться рыбою;
Обучился третьей мудрости –
Серым волком ся обертывать.
Как и стал Вольга в пятнадцать лет,
Подбирал Вольга дружинишку;

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
и собрал он себе ровнюшек –
Удалых ли добрых молодцов –
Тридцать братьев без единого,
Становился сам в тридцатых.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Вы, дружина моя храбрая,
Тридцать братьев без единого,
Сам Вольга я во тридцатых, –
Вы большого брата Слушайте,
Повелено дело делайте:
Повяжите сети шелковы,
Опускайте в море синее».
Тут Вольгу дружина слушалась:
Повязала сети шелковы,
Опускала в море синее.
Рыбой Вольга ся обертывал,
Рыбой-щукою зубастую,
Во станы поплыл глубокие,
Распугал всю рыбу красную,
Загонял рыбу во часты сети.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Вы, дружина моя храбрая,
Тридцать братьев без единого,
Сам Вольга я во тридцатых, –
Брата большего вы слушайте,
Повелено дело делайте:
Вейте шелковы веревочки,
Расстанавливайте по лесу,
На звериных ли на тропочках».
Тут Вольгу дружина слушалась:
Вила шелковы веревочки,
Расстанавливала по лесу,
Зверем Вольга ся обертывал,
Серым волком голенастым,
Поскакал в леса дремучие,
Во глухи ломы, во чащицы.
Распугал он зверя кунного,
Загонял зверя во петельки.
Как и стал Вольга с дружиною
На крутом яру у Киева,
Взговорит Вольга Буслаевич:
«Половили мы всю рыбушку
Из синя моря глубокого,
Половили зверя кунного
Из темных лесов дремучиих:
А и будет ли тот молодец,
Чтоб сходил в царство турецкое
Ко царю Салтан Бекетычу,
Сведать думу его царскую».
Молодцы тут стали прятаться,
Что большой да за середнего,
А середний что за меньшего,
А ответа нет от меньшего.
Говорит Вольга Буслаевич:
«Вольге будет самому идти».
Птицей Вольга ся обертывал,
Высоко взвился под небесью:
Прилетал в царство турецкое,
На оконце сел косяцато.
Сидит царь Салтан Бекетович
Со царицею Давыдьевной, –
Разговоры разговарива(е)т:
Говорит Салтан Бекетович:
«Ты, жена моя возлюбленна,

Молода ли свет Давыдьевна,
Воевать хочу святую Русь,
Хочу взять я славный Киев-град,
Подарить хочу по городу
Девяти сынам по русскому;
Да привезть хочу я шубоньку
Дорогую, соболиную».
Взговорит ему Давыдьевна:
«Гой ты, царь Салтан Бекетович!
Ты напрасно снаряжаешься
Воевать на землю русскую.
Али ты того не ведаешь –
На Руси все не по-старому.
Осветило красно солнышко
Славну землю святорусскую:
Народился удал молодец
Богатырь Вольга Буслаевич.
Он теперь, Вольга Буслаевич,
На окне сидит и слушает
Наши речи с тобой тайные.
Не возьмешь ты славный Киев-град,
Не подарить ты по городу
Девяти сынам по русскому,
А пропасть твоей головушке
От того Вольги Бусла(е)вича».
Тем словам Салтан не веровал,
На царицу царь прогневался –
По лицу ударил белому,
Прогонял он с глаз Давыдьевну.
Догадался Вольг Буслаевич,
Горностаем ся обертывал,
В погреба бежал глубокие.
Он тетивочки шелковые
На луках тугих накусывал,
С каленых-от стрел железочки
Он повынимал – закапывал,
Оборачивался птицею,
Прилетал назад ко Киеву,
Собирал свою дружинишку,
Подходил к царству турецкому.
Царство крепко огорожено
Стеной каменной, высокою.
Во стене ворота крепкие,
По булату золоченые,
А засовы – крюки медные,
Подворотня – дорог рыбий зуб,
Мелким вырезом вырезана,
По мудреным мелким вырезам
В пору ли пролезть мурашику.
Тут дружина закручинилась:
«Как пройти нам стены каменны?
Погубить ли добрым молодцам
Нам головушки напрасные?»
Догадался Вольг Буслаевич:
Мурашом себя обертывал,
Добрых молодцов мурашками, –
Пролезал с своей дружиною
В подворотню зуба рыбьего;
За стеной Вольга Буслаевич
Оборачивал мурашиков
Молодцами с сбруей ратною.
Взговорит ли Вольг Буслаевич:
«Вы большого брата слушайте.
Повелено дело делайте:
В славном царстве во турецкиим
Вырубайте стар и малого.
Изведите всех до кореня:
Оставляйте только лучших

Третья русская книга для чтения. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Тридцать душек красных девушек». Тут Вольгу дружина слушалась:
В славном царстве во турецкиим
Вырубала стар и малого,
Изводила всех до кореня,
Не оставила на семена;
Оставляла только лучших
Тридцать душек красных девушек.
Сам Вольга царя отыскивал
Во палатах его каменных:
Двери заперты железные,
Во дверях засовы крепкие;
Взговорит ли Вольг Буслаевич:
«Хоть ногу сломать, а выставить!»
Пнул ногой двери железные,
Поломал засовы крепкие;
Царя славного турецкого
Брал Вольга за ручки белые.
Говорил Вольга Буслаевич:
«А не бьют царей, не казнят вас», –
Царя хлопнул о кирпичат пол,
И расшиб Салтана вдребезги.
Тут дружину свою храбрую
Вольга поровну оделивал –
Табунов коней по тысяче,
По бочонку красна золота
Да по девушке на молодца.

Примечания

1 Корда – веревка, для того чтобы по кругу гонять лошадей. (Примеч. Л. Н. Толстого.)

2 Секач – двухгодовалый кабан с острым, не загнутым клыком. (Примеч. Л. Н. Толстого.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!